

КЛАЙВ КАССЛЕР

ПОЛ КЕМПРЕКОС

КЛАЙВ
КАССЛЕР
ПОЛ КЕМПРЕКОС

МЕДУЗА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.3(73)
ББК 84(7Coe)-44
К28

Серия «Бестселлеры Клайва Касслера»

Clive Cussler
Paul Kempresos

MEDUSA

Перевод с английского *А. Грузберга*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения Sandecker RLLLP
и литературных агентств Peter Lampack Agency, Inc.
и Nova Littera Ltd, Россия.

Касслер, Клайв.

К28 Медуза : [приключенческий роман] / Клайв Касслер, Пол Кемпрекос ; [пер. с англ. А. Грузберга]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Бестселлеры Клайва Касслера).

ISBN 978-5-17-086096-8

В далекой Микронезии бесследно исчезает американская подводная лаборатория, где проводились сверхсекретные исследования. В то же самое время на батисферу, которой управляет Курт Остин, совершено нападение, едва не закончившееся катастрофой.

Остин уверен: хотя на первый взгляд эти два события никак не связаны между собой, на самом деле они — нити одной гигантской паутины. А в центре — таинственный китайский картель, в планах которого вызвать смертельную пандемию...

Отважный океанолог и его команда готовы отдать жизнь ради спасения миллионов людей!

УДК 821.111-311.3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086096-8

© Sandecker, RLLLP, 2009
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ПРОЛОГ

Тихий океан, 1848 год

За все годы плаваний по океанам капитан Горацио Доббс не встречал таких пустынных вод. Он расхаживал по юту нью-бедфордского китобоя «Принцесса», и его серые глаза цепко, как прожекторы, обшаривали все видимое пространство. Тихий океан представлял собой голубую пустыню. Ни одного фонтана на горизонте. Ни один улыбчивый дельфин не кувыркался перед носом судна. Ни одна летучая рыба не пронеслась над гребнями волн. Жизнь в море словно прекратилась.

В китобойной иерархии Нью-Бедфорда Доббс считался принцем. В салунах на побережье, где собирались гарпунеры с острым взглядом, или в гостиных богатых квакеров, владельцев китобойных судов, на Джонни-Кейк-Хилле говорили, что Доббс способен почуять кашалота за пятьдесят миль. Но в последнее время нос капитана ощущал только опасный запах мятежа.

Доббс уже боялся ежедневно записывать в судовой журнал свои неудачи. Вечером прошлого дня, подводя итог своим неприятностям, он написал:

«27 марта 1848 года.

Свежий юго-западный ветер. Над плаванием, как гнилой туман, нависла неудача. Во всем Тихом океане ни капли ворвани* для бедной «Принцессы». На полубаке зреет недовольство».

* Устаревшее название жидкого жира, добываемого из сала морских млекопитающих (китов, моржей, тюленей, белух) и некоторых рыб. — *Здесь и далее примеч. пер.*

С квартердека* Доббс прекрасно видел все судно; нельзя было не заметить поведения матросов: они отворачивались или поглядывали на него украдкой. Офицеры с тревогой докладывали, что обычное ворчание экипажа на полубаке слышно все чаще и становится все злее. Капитан приказал помощникам держать пистолеты наготове и не выходить на палубу в одиночку. Мятеж пока не вспыхнул, но на полубаке, в темном душном носовом кубрике, расположенном там, где сужается нос, пошли разговоры о том, что неудачи закончатся, если с капитаном что-нибудь случится.

Рост Доббса — шесть футов четыре дюйма, и в профиль он человек-скала. Он уверен, что сможет подавить бунт, но не это его главная забота. Капитан, вернувшийся в порт без груза ворвани, совершает непростительный грех перед владельцами судна — их вложения не окупаются. Никакой экипаж больше не пойдет с ним в море. От успеха или провала рейса зависят репутация, карьера и доходы.

Чем дольше судно остается в море, тем вероятнее невезение. Заканчиваются припасы; растет опасность цинги и других болезней; ухудшается техническое состояние судна, нервничает экипаж. Заходить в порт для ремонта и пополнения припасов рискованно — матросы могут сбежать и наняться на более успешное судно.

Удача ни разу не посетила экспедицию с того самого момента, как ясным осенним днем под приветственные крики провожающих сверкающий новый китобой отошел от запруженной народом пристани. Столь злосчастное плавание удивляло Доббса. Ни один корабль не был лучше подготовлен к таким походам. У «Принцессы» опытный капитан, отборный экипаж и новые острые, как бритва, гарпуны.

Трехсоттонную «Принцессу» строили на одной из самых известных верфей Нью-Бедфорда. У судна дли-

* Приподнятая часть верхней палубы в кормовой части судна.

ной чуть больше ста футов был бимс* шириной почти тридцать футов, что позволяло разместить в трюме три тысячи бочек, способных вместить девяносто тысяч галлонов ворвани. Корпус из прочного дуба сможет выдержать самую сильную бурю. На шлюпбалках, нависающих над планширом, висели четыре вельбота. Моряки высмеивали широкие, с квадратной кормой новоанглийские китобойные суда, но такой с виду неуклюжий корабль способен годами выдерживать самые сложные условия плавания, в то время как его более стройные соперники давно дали бы течь.

После выхода «Принцессы» из порта свежий ветер наполнил ее большие квадратные паруса, поднятые на трех мачтах, и рулевой повернул на восток от русла реки Акушнет и вывел судно в Атлантический океан. Подгоняемая попутным ветром, «Принцесса» быстро прошла по океану к Азорским островам. После недолгой остановки в Фаяле, где на борт взяли запас фруктов, чтобы предотвратить цингу, судно повернуло нос к южной оконечности Африки и без происшествий обогнуло мыс Доброй Надежды.

Но за все последующие недели, бороздя Тихий океан, они не встретили ни одного кита. Доббс знал, что встречу с китами дарит не фортуна, а хорошее знание погоды и путей миграции, но, вглядываясь в пустой горизонт, он все чаще думал: уж не проклято ли его судно? Он отогнал эту опасную мысль, прошел к коку, который чистил печь, и сказал:

— Поиграй-ка на скрипке.

Надеясь улучшить настроение, капитан каждый вечер на закате приказывал коку играть, но веселая музыка, казалось, только усугубляла атмосферу напряженности, окутавшую «Принцессу».

* Поперечная балка, соединяющая борта корабля и служащая основанием палубы.

— Обычно я играю на закате, — уныло произнес кок.

— Не сегодня, кок. Посмотрим, не приманит ли твоя скрипка кита.

Кок отложил тряпку и неохотно развернул кусок ткани, в котором хранился его выдавший виды музыкальный инструмент. Сунув скрипку под щеку, не настраивая ее, он поднял смычок и заиграл. По мрачному виду матросов он понял, что они считают, будто его игра отгоняет китов; играя, он каждый раз опасался — и не без причин, — что кто-нибудь бросит его за борт. К тому же у скрипки осталось всего две струны, и репертуар невелик: он заиграл мелодию, которую экипаж слышал десятки раз.

Пока кок играл, капитан приказал старшему помощнику наблюдать за полуютом. А сам по узкому трапу спустился в свою каюту, бросил на койку потрепанную шляпу и сел за стол. Просмотрел карты — но он уже прошел все привычные участки, где водились киты; тщетно. Он откинулся на спинку стула, закрыл глаза и опустил подбородок на грудь. Но проспал всего несколько минут: его сон прервали дивные слова, которых он не слышал многие месяцы:

— Фонтан! — И снова: — Фонтан!

Глаза капитана распахнулись; он вылетел из кресла, как снаряд из катапульты, схватил шляпу и взлетел по трапу на палубу. Светило яркое солнце; капитан посмотрел на верх грот-мачты в ста футах над палубой. На всех трех мачтах сидели наблюдатели, которые менялись через каждые два часа; впередсмотрящие стояли на маленьких платформах внутри металлических корзин.

— Где фонтан? — крикнул капитан наблюдателю.

— По скуле правого борта, сэр. — Наблюдатель показал на нос. — Вон там. Вон фонтан!

В четверти мили от них из воды поднялась гигантская молотообразная голова и в фонтане брызг снова ушла под воду. Кашалот. Доббс крикнул рулевому, чтобы

тот поворачивал к киту. Матросы проворно, как обезьяны, вскарабкались на снасти и развернули паруса.

Судно начало медленный разворот, и в это время второй наблюдатель крикнул из своей корзины:

— Еще один, капитан! — Голос его от волнения звучал хрипло. — Клянусь богом, еще один.

Доббс в подзорную трубу разглядывал сверкающую поверхность моря. Фонтан был невысоким и бил в разные стороны, наклоняясь вперед под углом в сорок пять градусов. Капитан повернул трубу вправо, потом влево. Еще фонтаны. Целое море китов. Он гулко захохотал. Он видел перед собой целое состояние, пока что сосредоточенное в китовом жире.

При появлении первого кита кок перестал играть. Он ошеломленно стоял на палубе, опустив руку со скрипкой.

— Получилось, кок! — крикнул ему капитан. — Ты приманил своей музыкой столько китов, что мы весь трюм заполним спермацетом. Продолжай играть, черт побери!

Кок улыбнулся, оскалив щербатые зубы, и принялся водить смычком по струнам, наигрывая веселую морскую песню; рулевой развернул корабль против ветра. Матросы обрасопили паруса. Судно остановилось.

— Левый борт, шлюпки на воду! — крикнул капитан с азартом, накопившимся за время долгой безуспешной погони. — Живее, парни, если любите деньги!

Доббс приказал спустить три вельбота. Каждым вельботом длиной тридцать футов командовал помощник капитана, он же выполнял и обязанности рулевого. На борту «Принцессы» остался минимальный экипаж, необходимый для управления судном. Четвертый вельбот капитан держал в резерве.

Спуск занял чуть больше минуты. Узкие длинные лодки коснулись воды почти одновременно. Экипажи шлюпок спустились по борту, заняли свои места и взялись за весла. Отойдя от корабля, каждый вельбот поднял парус, чтобы поймать ветер и выиграть несколько узлов.

Доббс смотрел, как вельботы стрелой помчались к цели.

— Полегче, ребята, — бормотал он. — Пусть плывут спокойно.

— Сколько, капитан? — крикнул кок.

— Более чем достаточно, чтобы ты поджарил для каждого парня на борту десятифунтовый стейк. Солонину можешь выбросить за борт, — крикнул Доббс.

Хохот капитана порывом бури пронесся по палубе.

Калев Най в первом вельботе греб изо всех сил. Он сорвал кожу на ладонях, они кровоточили, плечи болели. Пот заливал глаза, но он не смел оторвать руку от весла, чтобы вытереть их.

Калебу было восемнадцать. Для жилистого добродушного парня с фермы в Конкорде, штат Массачусетс, это было первое плавание. Его доля — одна двухсотдесятая — отодвигала его в самый низ расчетной ведомости. Калев знал, что ему повезет, если он не останется в убытке, но он все равно нанялся в команду, привлеченный перспективой приключений и возможностью увидеть экзотические земли.

Нетерпеливый парень напомнил капитану о его собственном первом плавании. Доббс сказал молодому фермеру, что все будет хорошо, нужно только выполнять приказы, много работать и не совать нос куда не следует. Готовность браться за любую работу и добродушное отношение к насмешкам снискали Наю уважение закаленных китобоев, и постепенно с ним даже стали обращаться как с талисманом.

Первый вельбот шел под командованием старшего помощника капитана, бывалого ветерана многих китобойных кампаний. Гребцам постоянно напоминали о том, что нужно сосредоточиться на старшем помощнике, но так как Калев был новичком, непрерывные разглазгования офицера в основном были адресованы ему.

— Живей, Калеп, мальчик мой, — умасливал его старпом. — Напрягай спину, парень, ты не корову доишь. Всем смотреть на меня, красавца, а я буду искать русалок.

Помощник — ему единственному разрешалось смотреть вперед — следил за большим самцом, плившим по курсу столкновения с лодкой. Солнечные лучи отражались от блестящей черной шкуры. Помощник отдал негромкий приказ гарпунеру:

— Готовьсь!

В люльках на носу лежали два семифутовых гарпуна. Острые, как бритвы, несущие смерть, наконечники расходились почти под прямым углом к стволу. Эта особенность мешала гарпуну выскочить, если он уже вонзился в плоть кита.

Второй гребец встал, опустил весло и достал гарпун. Снял чехол, закрывавший наконечник. Потом расчехлил второй гарпун.

Тысяча восемьсот ярдов троса, пропущенного через V-образную прорезь в борту, соединяли каждый из гарпунов с ящиком на борту, где этот трос был с величайшей тщательностью уложен бухтой. От гарпуна трос уходил на корму и здесь раз или два оборачивался вокруг короткого стержня, называемого «болваном», а оттуда — в ящик.

Помощник повернул руль так, чтобы вельбот подходил к киту слева и правша-гарпунер оказывался в наилучшей позиции для броска. Когда их отделяло от кита двадцать футов, помощник крикнул гарпунеру:

— Бросай!

Упираясь ногами в дно вельбота, гарпунер бросил гарпун, как копьё, и острое вонзилось в тело кита в нескольких дюймах за глазом. Гарпунер схватил второй гарпун и всадил его в футах от первого.

— Задний ход! — крикнул старший помощник.

Весла ушли в воду, и лодка отскочила на несколько ярдов.

Кит выпустил из дыхала струю пара, поднял гигантский хвостовой плавник высоко в воздух и с грохотом обрушил его на то место, где только что была лодка. Потом вновь задрал хвост, опустил голову и нырнул. Ныряющий кашалот способен развить бешеную скорость — двадцать пять узлов — и уйти на глубину в тысячу футов. Трос стремительно вылетал из ящика. Специально приставленный к ящику матрос поливал трос водой, чтобы охладить, но несмотря на это, гарпунный трос, огибая болван, дымился от трения.

Вельбот скользил по волнам в безумной гонке, которую китобой называют нантакетской ездой на санях.

Гребцы радостно закричали, но сейчас же затихли — лодка перестала двигаться: кит возвращался на поверхность. Огромное млекопитающее выскочило в туче пены, как пойманная на крючок форель, снова ушло в глубину и вынырнуло через двадцать минут. Так повторялось снова и снова. С каждым разом выбирали больше троса; расстояние сокращалось, и вот уже кита и лодку разделяло не больше ста футов.

Огромная тупая голова кита повернулась к мучителям. Помощник заметил это воинственное поведение и понял: кит готовится к нападению. Он приказал гарпунеру перейти на корму. Спотыкаясь о весла, они поменились местами в качающейся лодке; эти перемещения могли бы показаться комичными, если бы не смертельная опасность.

Помощник схватил копые — длинное деревянное древко с острым наконечником в форме ложки — и встал на носу, как матадор, готовый метнуть оружие в нападающего быка. Он ждал, пока кит повернется на бок — такой маневр позволял киту наиболее успешно использовать острые зубы нижней, трубкообразной, челюсти.

Гарпунер резко повернул руль. Кит и вельбот прошли всего в нескольких ярдах друг от друга. Кит начал поворачиваться, подставляя уязвимый бок. Помощник вса-

дил в него копьё, вложив в удар все силы. Он продолжал давить на ствол, пока копьё не ушло в тело кита на шесть футов, пробив сердце. Но приказ экипажу уходить опоздал — кит в агонии ухватил середину медленно идущей лодки зубами.

Испуганные гребцы падали друг на друга, пытаются уйти от острых зубов. Кит затряс лодку, как собака кость; потом гигант разжал челюсти и отплыл, ударяя хвостом по воде. В воздух поднялся фонтан кровавого пара.

— Осторожно! — крикнул гребец.

Копьё сделало свое дело. Кит еще с минуту бился, потом исчез под водой, оставив за собой огромную лужу алой крови.

Гребцы упирались веслами в борта, пытаются уравновесить лодку, и затыкали дыры рубашками. Несмотря на их усилия, вельбот уже едва держался на плаву, когда на поверхности показался мертвый кит и повернулся на бок, выставив плавник в воздух.

— Молодцы, парни! — взревел помощник. — Этот готов. Еще одна такая рыбка, и мы направимся в Нью-Бедфорд покупать сласти своим милашкам. — Он показал на приближающуюся «Принцессу». — Смотрите, старуха на подходе, сейчас примет вас и уложит в постельки. Все в порядке, как я вижу.

— Не все, — хриплым голосом отозвался гарпунер. — Калёб пропал.

Судно бросило якорь неподалеку, и на воду спустили резервный вельбот. После того как подняли экипаж, предприняли тщетные поиски Калёба в окровавленной воде и подтащили к кораблю поврежденный вельбот.

— Где новичок? — спросил капитан, когда матросы поднялись на борт.

Старший помощник покачал головой.

— Бедняга упал в воду, когда кит напал.

Взгляд капитана стал печальным, но смерть и китобойный промысел — близкие знакомые. Он занялся необходимыми делами и приказал матросам двигать тушу. Когда та оказалась под лесами у правого борта, ее захватили крюками, подняли на палубу и поставили вертикально. Прежде чем добывать жир, отрубили голову, крюками вытащили внутренности кита и разложили на палубе в поисках амбры — ценного парфюмерного сырья, которое бывает в животе у кита.

Что-то шевельнулось в большой полости брюха. Матрос решил, что это гигантский моллюск — любимая пища кашалотов. Острой лопатой он разрезал брюхо, но вместо щупалец из отверстия показалась человеческая нога. Матрос отогнул брюшную стенку и увидел человека, свернувшегося в клубок. Резчик и другие матросы схватили его за ноги и вытащили на палубу. Голову его облепило непрозрачное скользкое вещество. Старший помощник смыл его водой из ведра.

— Это Калеб! — крикнул он. — Наш новичок!

Губы Калеба шевельнулись, но он не издал ни звука. Доббс присматривал за добычей ворвани. Он подошел, поглядел на Калеба и приказал помощнику отнести новичка в свою каюту. Юношу уложили на капитанскую койку, сняли с него мокрую одежду и закутали в одеяло.

— Боже, никогда ничего подобного не видел, — сказал старший помощник.

Красивый восемнадцатилетний крестьянский парень превратился в седого восьмидесятилетнего старика. Кожа его приобрела призрачно-белый цвет. Сеть морщин покрыла руки и лицо, словно он много дней провел в воде. Волосы стали похожи на пучки сушеницы.

Доббс взял Калеба за руку, ожидая, что почувствует трупный холод — уж очень парень напоминал мертвеца.

— Да он горит, — сказал капитан.

Выступая в роли судового врача, Доббс завернул Калеба во влажные полотенца, чтобы сбить жар.

Из черной медицинской сумки он достал флакон патентованного средства с высоким содержанием опия и заставил Калеба проглотить несколько капель. Юноша несколько минут бредил, потом погрузился в тяжелый сон и проспал больше суток. Когда он наконец открыл глаза, то увидел капитана. Доббс сидел за столом и писал в журнале.

— Где я? — сухими потрескавшимися губами спросил Калеб.

— В моей койке, — проворчал Доббс. — И мне это надоело.

— Простите, сэр. — Калеб наморщил лоб. — Мне снилось, что я умер и попал в ад.

— Нет, тебе не так повезло. Похоже, кашалоты любят деревенских мальчишек. Мы вытащили тебя из китового брюха.

Калеб помнил круглый глаз кита, помнил, как летел, растопырив руки и ноги, крутясь, как шутиха во время фейерверка, а потом упал в воду. Вспомнил, как двигался по темному упругому проходу, глотая влажный спертый воздух. Духота была почти невыносимой. Он быстро потерял сознание.

На его бледном сморщенном лице проступил ужас.

— Кит меня съел!

Капитан кивнул.

— Прикажу коку принести тебе супа. И возвращайся на полуют.

Но капитан смягчился, и Калеб оставался в его каюте, пока вся ворвань не превратилась в жир и не была разлита по бочкам. Потом он собрал матросов с полуюта на палубе, поблагодарил за тяжелую работу и сказал:

— Все вы знаете, что кит проглотил новичка, как библейского Иону. Рад сообщить, что юный Калеб скоро вернется к работе. Я срежу ему жалованье за время отсутствия. На этом судне увильвать от работы разрешено только мертвецам.